

Алексей КАПИТОНЕНКОВ¹

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: ПРАВДА ПРОТИВ СТЕРЕОТИПОВ К 160-летию со дня рождения П.А. Столыпина

Личность и реформаторская деятельность П.А. Столыпина (1862-1911) не обделены вниманием исследователей. Еще при жизни реформатора они стали предметом острых научных и политических дискуссий. В итогов советский период вокруг столыпинских аграрных преобразований сложился ряд стереотипных представлений, которые прочно укоренились в массовом сознании, проникли в научную литературу, школьные и вузовские учебники.

За последние 20-25 лет немало сделано для преодоления стереотипов и мифов, связанных со столыпинской реформой. В работах Э.М. Щагина, В.Г. Тюкавкина, И.И. Климина, М.А. Давыдова и других исследователей представлен новый, свободный от прежних идеологических установок, анализ целей и результатов аграрных преобразований начала XX в. Однако по-прежнему в ряде исследований сохраняются стереотипные оценки.

В советской историографии, которая находилась в жестких рамках марксистско-ленинской методологии, безусловное господство получил тезис о «крахе» столыпинской аграрной реформы. В качестве неоспоримого доказательства «краха», приводились данные, наиболее легко воспринимавшиеся общественным сознанием, согласно которым, из общины, несмотря на все старания правительства, вышла примерно только четвертая часть крестьян.

Однако такой односторонний подход говорит о поверхностном суждении и неправильном понимании стратегических целей столыпинского реформирования. Между тем, в своих многочисленных речах в различных государственных учреждениях П.А. Столыпин, неоднократно разъяснял позицию правительства, истинные предпосылки и цели аграрной реформы. Так, будучи еще на посту саратовского губернатора во всеподданнейшем отчете за 1904 г. П.А. Столыпин обозначил общие черты будущей

1. Капитоненков Алексей Михайлович родился в г. Апрелевка Московской области, учился на историческом факультете МПГУ. Занимается социально-экономической историей дореволюционной России. Публикуется в «Вестнике Белорусского государственного университета», «Знание-сила», «Наш современник». Живёт в г. Апрелевка Московской области.

земельной реформы, в результате которой, «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли» [1, с.71].

Весьма полная формулировка основных целей реформирования была представлена П.А. Столыпиным в его выступлении во II Государственной Думе 10 мая 1907 г.: «...цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным <...> Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть, соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная» [2,с.93-94].

Механизм реализации аграрных преобразований вполне четко и определенно был изложен П.А. Столыпиным в Представлении в Государственную Думу Министерства внутренних дел от 4 апреля 1907 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Реформатор обращал внимание на несомненную пользу указа 9 ноября 1906 г. для тех общин, которые сами уже разлагались. Призывая отказаться от искусственного поддержания таких общин, он вместе с тем подчеркивал: «Что касается общин жизнеспособных, в которых общинные начала ещё крепки и жизненны и о желательности сохранения которых и может идти только речь, – то разрушить такие общины вообще едва ли возможно, раз существование их обуславливается действительными потребностями и опирается на правосознание и твердый хозяйственный и бытовой уклад крестьян» [3, с.15-16]

Далее он особо подчеркивал, что «закон, вместе с тем, не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли» [4, с.61]. Эти слова П.А. Столыпина не оставляют двойного толкования, – его подход к общине являлся продуманным, дифференцированным, учитывавшим региональную специфику огромной страны. Отвечая на критику выбранного курса в речи в Государственном Совете 15 марта 1910 г., глава правительства, весьма оптимистично

оценивал успехи реформирования, полагая, что «...при такой же успешной работе, ещё через 6-7 таких же периодов, таких же трёхлетий, общины в России – там, где она уже отжила свой век – почти уже не будет» [2, с.248]. Таким образом, П.А. Столыпин снова говорил не о всей стране, а только о тех регионах, где община уже изжила себя и являлась тормозом для агротехнического прогресса крестьянского хозяйства. Кроме того, в цитированной речи премьер в очередной раз обращал внимание на нежелание пра-

вительства «производить какую-либо насильственную ломку».

Следовательно, П.А. Столыпин никогда не выступал за немедленный и повсеместный слом общины, последовательно высказываясь за сохранение различных форм крестьянского землевладения и землепользования. Реформаторский курс П.А. Столыпина не являлся слепой атакой на общину, безоглядно ломавшей традиционные устои русской деревни. В полной мере учитывались мнения самих крестьян, у которых отсутствовало единогласие о дальнейшей судьбе общины: имелись высказывания как за ее сохранение, так и за разрушение. Более того, ряд исследователей, в частности, известные современные исследователи крестьянской общины О.Г. Вронский [4] и Д.В. Ковалев [5, 6] отмечают в аграрном законодательстве П. А. Столыпина ряд серьёзных правовых компромиссов и уступок по отношению к общине, учёт особенностей крестьянского правосознания. Премьер, прекрасно понимая нецелесообразность скорейшего и полного распада общины, считал не просто допустимым, а необходимым сохранить её там, где она была жизнеспособна, где переход к индивидуальному хозяйству не гарантировал крестьянам больших выгод. Этим была обусловлена сильная неравномерность в выходах крестьян из общины, и это подтверждает правоту слов П.А. Столыпина. Нет ничего удивительного в том, что реформа не везде протекала одинаковыми темпами. Указ от 9 ноября 1906 г. использовался крестьянами там, где община разлагалась, где мирской дух был уже слабым, и не был востребован в регионах, где община еще не достигла стадии разложения, а традиционное трехполье еще не вступило в полосу глубокого кризиса. В этой связи нельзя не согласиться с О.Г. Вронским, который отмечает, что «если бы правительство действи-

тельно вступило на путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных домохозяев и целых обществ», чего сделано не было [4, с.232].

Аграрная модернизация, предложенная П.А. Столыпиным, не предполагала унифицированного подхода ко всему многомиллионному крестьянству, общей формулы для всей страны не существовало. Крестьяне, закрепив за собой землю, при желании могли оставаться в чересполосном владении, могли перейти к отрубному владению или образовать новые поселения частных собственников, так называемые выселки, а могли вообще не выходить из общины, и всем селом продолжать практиковать переделы, – указ 9 ноября 1906 г. этому не препятствовал. Право крестьян, несогласных на разверстание и желающих оставаться при общинном землепользовании, нашло своё подтверждение и в Положении о землеустройстве (ст. 42). Правда, таких желающих было крайне мало: всего 0,3% от общего числа разверставшихся дворов [7, с.17].

Когда мы говорим о столыпинской аграрной реформе, не следует забывать тот факт, что распад общины начался задолго до начала реформы, и по инициативе самих крестьян. Новые веяния в жизни в деревне, усиление противоречий между крестьянами, развитие индивидуализма способствовали трансформации общинного строя. Многие крестьяне переставали нуждаться в общине как в институте, который уже не гарантировал им достойного существования, тормозил развитие хозяйства, стесняя личную свободу наиболее предприимчивых земледельцев. Старые порядки во многих районах всё больше изживали себя, общинное землевладение постепенно сокращалось, а стремление крестьян к индивидуальному хозяйству неуклонно прогрессировало. К примеру, в трёх северо-западных губерниях (Гродненской, Ковенской и Минской) общинное землевладение вовсе отсутствовало. В Подольской губернии оно было зафиксировано только в двух сёлах [8, с.35-37]. Крестьяне в 34 раза чаще покупали землю в личную собственность, чем в общинную. Были и такие крестьяне, которые имели землю в личной собственности, но по разным причинам оставались в общине. По подсчётам известнейшего исследователя социальной истории России Б.Н. Миронова, за пореформенный период, к началу столыпинской реформы, около 3,7 млн дворов, или 39% всех крестьян – членов переделных

общин, разочаровались или не доверяли полностью традиционным общинным порядкам [9, с.231]. При этом в некоторых губерниях (Волынской, Смоленской, С.-Петербургской и других) – ещё до реформы отмечено массовое движение крестьян к расселению на хутора. Так, в Смоленской губернии в 1904 г. насчитывалось более 3000 хуторов. Историк В.Г. Тюкавкин, сделал аналогичный вывод о том, что предпосылки реформы были созданы гораздо раньше, отказом многих общин от традиционной земельно-распределительной функции (в 58% общин 40 губерний Центральной России не было переделов после отмены крепостного права) [10, с.185].

Следовательно, реформа не противоречила желаниям крестьянства. Для очень многих из них общинная система землепользования была не в тягость, и они воспринимали прогрессивные инновации. Именно на таких крестьян («разумных, крепких и сильных» по выражению П.А. Столыпина), стремящихся к прогрессу своего хозяйства, а вовсе не на кулаков, как о том в один голос утверждала советская историография, и была сделана ставка в правительственной программе реформирования.

Указ 9 ноября 1909 г., отвечая назревшим потребностям крестьянства или, как говорил П.А. Столыпин, «потребности самой жизни», лишь ускорял процесс распада общины в тех регионах, где община уже фактически не существовала, создавая, тем самым, альтернативный тип домохозяина, более успешного и приспособленного к новым реалиям [11, с.276]. Более того, по обоснованному замечанию известного историка Э.М. Щагина, для П.А. Столыпина и его соратников по реформированию, разрушение общины ни в экономическом, ни в политическом плане не являлось самоцелью, а было лишь одним из средств, направленных на создание мелких собственников с устойчивым хозяйством [12, с.80-81].

Итак, тезис о «крахе» реформы по причине неполного разрушения общины, является несостоятельным. П.А. Столыпин, прекрасно понимая, что далеко не все крестьяне желают перехода к единоличному хозяйству, вовсе не собирался в приказном порядке всех крестьян сделать частными землевладельцами. Насильно из общины никто не выгонялся, крестьянам предоставлялась полная свобода в выборе формы землепользования. В связи с чем, оценивать конечные результаты реформы по количеству крестьянских дворов, покинувших общину, а также по количеству созданных хуторских хозяйств, как это делается почти по-

всеместно, ошибочно. Подобный подход является в корне неверным, и от него необходимо отказаться.

Правительство в то время было обеспокоено произволом местных властей, и со своей стороны, принимало все необходимые меры по пресечению подобных случаев, требуя от них исключить любое давление на крестьян и тщательно следить за правильным применением указа 9 ноября 1906 г. В связи с этим в циркулярном письме от 21 января 1909 г. П.А. Столыпин разъяснял, что «...вся сущность закона 9 ноября основывается исключительно только на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности и не даёт никаких прав администрации оказывать в этом отношении какое-либо давление на население <...> Органы правительства могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с порядком этого перехода и его практическими и юридическими последствиями, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этого рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 г. право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина» [1, с.230].

Таким образом, П.А. Столыпин был непримиримым противником каких-либо принудительных мер, неоднократно указывая на недопустимость и незаконность их. Подобные меры противоречили основополагающей идеи столыпинского аграрного законодательства, которое не являлось инструментом принудительной ликвидации общины, обеспечивая крестьянам право добровольного перехода от общинного владения к личному, но не обязывая их к этому. Непременный член Калужской уездной землеустроительной комиссии Г.А. Ермолов, опровергая обвинения в насилии, писал: «...едва ли может подлежать сомнению, что в таком громадном деле, как землеустройство, деле, затрагивающем внутреннюю жизнь крестьян, невозможно было бы достигнуть каких-либо благоприятных результатов путём насилия. Я ещё могу поверить, что единичные дела могли быть проведены таким образом, но чтобы где-либо это было введено в систему и чтобы эта система дала благие результаты и оказалась жизненной – это может утверждать лишь лицо, совершенно незнакомое ни с бытом, ни с характером крестьян» [13, с.45]. В наши дни, необоснованность тезиса о повсеместном принуждении, весьма

убедительно показана в одной из работ историка М.Д. Карпачева, который исследовав цели и результаты аграрной реформы в Воронежской губернии, констатировал отсутствие фактов принудительного роспуска общины в губернии [14, с.74]. Даже такой убеждённый критик реформы, как В.П. Данилов в одной из последних своих работ вынужден был признать, «...что принудительность всё-таки не приняла всеобщего и исчерпывающего характера, реформаторы не встали на путь безудержного форсирования развала общинного уклада (как это случилось в годы сталинской коллективизации)» [15, с.637].

В дореволюционный период темпы проведения реформы не только не замедлились, но даже увеличились, в связи с чем, никак нельзя говорить о её провале после 1910 г. Оценивать результаты столыпинской аграрной реформы следует исключительно на основании заявлений о выходе из общины в сумме с количеством ходатайств о землеустройстве. При таком подходе становится очевидным, что реформа не исчерпала свой потенциал, а, по сути дела, только набирала ход. Об этом умалчивала одиозная советская историография, ибо, если не было спада реформы, то все разговоры о ее «крахе» лишались бы твердой почвы.

Очень важно отметить, что многие из упоминаемых в трудах историков случаи массового силового давления на крестьян приводятся без достаточной доказательной базы, очень часто, без единой ссылки на источники.

Насильственный и антикрестьянский (как считали советские историки) характер реформы должен был вызвать массовые протесты крестьян и волну аграрных беспорядков. Известный советский историк С. М. Дубровский на основании данных Департамента полиции (который, безусловно, фиксировал все случаи крестьянских выступлений), привел статистические подсчеты, которые однозначно свидетельствуют о том, что массовых протестов крестьян против столыпинской аграрной реформы не было. Так, в монографии учёного [16], представлена информация об общем количестве крестьянских выступлений в 1890–1917 гг. (с. 518, табл. 212), а также данные по выступлениям крестьян непосредственно против реформы (с. 551, табл. 222). Сопоставление этих сведений позволяет сделать однозначный вывод о том, что в общем количестве крестьянских выступлений протесты против реформы были крайне незначительными. Хотя сам С.М. Дубровский считал иначе, но статистика говорит сама за себя. На с.536 историк привёл данные о характере крестьянских выступлений (табл. 218). Данные

этой таблицы показывают, что подавляющее большинство аграрных волнений было направлено против помещиков.

Происходившие иногда выступления крестьян зачастую объяснялись не протестами против реформы как таковой, а спорами и разногласиями между общинниками и выделяющимися. Вполне понятно, что раздел земли для крестьян являлся вопросом крайне болезненным. Основная причина вражды между общинниками и собственниками весьма точно отражена в материалах Оценочно-статистического Бюро Казанского губернского земства: «...при существующей сложности землепользования на общинных началах, когда интересы каждого домохозяина тесно сплетены с интересами всех остальных, выдел земли, находящейся во владении отдельного домохозяина, часто оказывается весьма затруднительным. Ходатайства об укреплении, выдвигая многие недочёты общинного хозяйства, являются поводом для споров из-за каждого клочка земли» [17, с.22]. При этом необходимо отметить, что вопреки устоявшимся представлениям, противоречия между крестьянами не носили массового характера. В начале 1909 г. в Петербурге состоялся съезд непрременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. Материалы съезда дают весьма целостную картину настроения крестьян и их отношения к проводимой реформе. Так, непремный член Тульского губернского присутствия отмечал, что «отношение сельского населения Тульской губернии к крестьянам, укрепляющим за собою надельную землю по правилам закона 9 ноября 1906 г., вполне спокойное и доброжелательное. Случаев проявления особой неприязни или озлобления к выходящим из общины домохозяевам не отмечено» [18, с.258]. Земский начальник Холмского уезда Псковской губернии докладывал, что «отношение крестьян к укрепившим свои надёлы и к хуторянам самое дружелюбное, причем последние пользуются особым уважением общинников, сознающих прекрасно всю выгоду хуторского хозяйства, но вместе с тем ещё недостаточно решительными, чтобы последовать их примеру» [там же, с.264]. Подобные настроения среди крестьян являлись характерными и для многих других областей. Подтверждая представленную на съезде информацию с мест, публицист С. Бельский на основании личного ознакомления с ходом землеустроительных работ, поездок по хуторским хозяйствам и бесед с крестьянами, свидетельствовал: «Никакой вражды между крестьянами землеустроительные работы не породили. Даже выделы отдельных домохозяев без согласия общества лишь в самых редких, исключительных случаях вызыва-

ли временные обострённые отношения между владельцами отрубов и общинниками» [19, с.81].

Одним из заблуждений критиков реформы является утверждение о том, что выход крестьян из общины совершался повсеместно в административном порядке, по постановлениям земских начальников. Между тем, материалы по Калужской губернии говорят совершенно об обратном: подавляющее большинство выделяющихся домохозяев (74%) получили согласие сельских сходов, и лишь 26% укрепили землю на основании постановлений земских начальников [20, с.119.]. В Витебской губернии эти цифры были ещё более внушительными – 85% укреплений состоялось по приговорам обществ [43, с.259]. Некоторое увеличение протестов против землеустройства в годы Первой мировой войны было связано с тем, что общинники выступали против его проведения в условиях, когда огромное число домохозяев находилось на фронте, и за его перенос на мирное время. Продолжение реформы в условиях военного времени воспринималось ими как дело сомнительное и несправедливое [21, с.136]. Не желая нарушать интересы крестьян, Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин 29 апреля 1915 г. издал циркуляр о временной приостановке землеустроительных работ до возвращения находящихся в действующей армии домохозяев. Очевидно, что ни о каком насилии здесь речь идти не может.

Таким образом, реформа, вопреки распространённому убеждению, не вызывала у крестьян массового отторжения. Крестьянские протесты, в большинстве случаев, были спровоцированы революционной пропагандой и неосведомлённостью населения об основных положениях реформы, носили единичный характер, и не отражали настроения всего крестьянства. Стоит обратить внимание, что пропаганда на местах достигала порой таких масштабов, что предпринимались попытки толковать крестьянскому населению цели реформы, как желание правительства восстановить крепостное право [22, с.253]. Естественно, что на основе ложных слухов у крестьян формировалось настороженность и недоверие к правительственным начинаниям.

Если принять во внимание, что более 25% домохозяев заявили о своём желании выйти из общины, и почти половина (47%) ходатайствовали о проведении землеустройства, и при этом около половины всех поступивших прошений не были вовремя удовлетворены органами землеустройства, то становится очевидным, что

правительству абсолютно незачем было форсировать ход реформы, прибегая к принудительным мерам. И без того, производство работ, несмотря на увеличение к 1914 г. штата землемеров почти в десять раз (с 650 до 6.397), значительно отставало от количества ходатайств, удовлетворение которых, крестьянам приходилось ожидать иногда по нескольку лет. Например, в 1913 г. удалось закончить работы только для одной трети всех ходатайствующих.

В целом, перестройка аграрных отношений осуществлялась на здоровой и добровольной основе. При прямом или косвенном давлении местных властей, общину покинуло, предположительно, не более 20-25% домохозяев [23, с.162]. Так, в Казанской губернии менее 2,5% домохозяев укрепили землю в собственность под давлением местных властей [45, с.62]. Разумеется, цифры эти не могли оказать существенного влияния на общий ход реформы, которая, без сомнения, встретила весьма широкий отклик среди крестьянства. Например, к 1913 г. в Московской, Астраханской, Архангельской губерниях пожелали землеустроиться более 80% крестьян, в Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Гродненской, Петербургской – доля дворов, ходатайствующих о землеустройстве, составляла от 58,6 до 63,6% [11, с.213]. Нет ничего удивительного, что при подобных темпах к 1917 г. частное крестьянское землевладение стало доминировать над общинным. Интересные данные в связи с этим были опубликованы в «Земледельческой газете» в конце мая 1917 г. Согласно сведениям Министерства внутренних дел, представленным Главному земельному комитету, почти три четверти крестьянских дворов (около 8,5 млн из 14 млн) являлись собственниками своих участков.

Несмотря на все сложности и издержки (на которые, кстати говоря, неоднократно указывали и сам реформатор, и его соратники), подавляющее большинство крестьян перешло к новым формам хозяйствования, исключительно, по внутреннему убеждению, осознавая выгодность такого шага, и как совершенно справедливо отмечал Пётр Аркадьевич, «безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов» [2, с.252].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что все претензии к аграрной реформе П.А. Столыпина: её искусственный характер, насильственное разрушение общины, несоответствие преобразований традициям и менталитету крестьянства и т.п. – предьявлялись аналогичным реформам в других странах Европы и также оказались несостоятельными [9, с.239]. По за-

мыслу П.А. Столыпина, столь грандиозная по своим масштабам земельная реформа, должна была проводиться в течение 6-7 трех-летних, то есть, примерно, 20 лет. Учитывая, что Первая мировая война приостановила реализацию реформы, а после февральских событий 1917 г. она была и вовсе прекращена постановлением Временного правительства, на наш взгляд, было бы уместней говорить лишь о промежуточных ее результатах, которые, учитывая короткие сроки преобразований, несомненно, оказались весьма значительными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столыпин П. А. Грани таланта политика / под. общ. ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2006. – 623 с.
2. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906 – 1911 гг. / сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Мол. гвардия, 1991. – 411 с.
3. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. (Первоначальные предположения правительства по означенному предмету, извлечения из работ Гос. Думы и рассмотрение дела в Гос. Совете). СПб: Гос. канцелярия, 1911. – 1287 с.
4. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). М.: Изд-во МПГУ, 2000. – 417 с.
5. Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (на материалах Московской губернии). М.: МПГУ, 2004. – 305 с.
6. Ковалев Д.В. Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина // Вопросы истории. – 2018. – №7. – С. 43-49.
7. Лосицкий А.Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепления наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1916. – 57 с.
8. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. М.: Наука, 1992. – 256 с.
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т.2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 896 с.
10. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.
11. Павлова О.В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906 – 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь: 2006. – 358 с.
12. Щагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М.: Гуманитар. изд. центр Владос, 2008. – С.79-94.

13. Землеустройство в Калужском уезде / Под ред. непрем. чл. Калуж. губ. землеустроит. комис. С.Ф. Трухачева. Калуга, тип. Калуж. губ. зем. Управы, 1915. – 47 с.
14. Карпачев М.Д. Столыпинские аграрные реформы в восприятии Воронежского крестьянства // Исторические записки: науч. тр. ист. фак. (Воронеж. гос. ун-та). Вып.1 / отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – С. 66-80.
15. Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861 – 2001 гг.) // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. Ч.2. М.: РОССПЭН, 2011. – С. 630-648.
- 16.. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М.: [Изд-во Акад. наук СССР], 1963. – 599 с.
17. Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии (Указ 9 нояб. 1906 г. и закон 14 июня 1910 г.). Казань: Оценоч.- стат. бюро Казан. губ. Земства, 1911. – 101 с.
18. Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий 10-23 января 1909 г. СПб.: тип. МВД, 1909. – 363 с.
19. Бельский С. Новая земледельческая Россия (Очерки землеустройства). 2-е изд., доп. СПб -М.: т-во М.О. Вольф, [1910]. – 208 с.
20. Панасюк В.В. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция: по материалам Калужской губернии (1906-1917 гг). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. – 367 с.
21. Шевелева О.В. Сельскохозяйственное развитие Великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губ.). Дис. канд. ист. наук. Тула: 2008. – 213 с. 22. Дебаты о земле в Государственной Думе (1906 – 1917 гг.). Документы и материалы / Сост. О.Н. Лежнева. М.: 1995. – 395 с.
23. 21. Климин И.И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: Клио, 2002. – 335 с.

Московская область, г. Апрелевка

От редакции: *Статья опубликована в сокращении. С полным вариантом можно ознакомиться в Интернете на странице журнала «На русских просторах» на Русском поле портала Хронос.*